* * *
Снова мысль о Борисе и Глебе,
Как морозный узор на стекле,
Как два лебедя в стынущем небе,
Посетила глаза в феврале.

Собирает незрячая воля
Снова русский оброк вековой.
И, как эхо народного вопля,
Святополк отыскался Второй.

* * *
Фили. Россия за спиною…
Фельдмаршал спорам не вредит.
Здоровый глаз прикрыв рукою,
Он через пальцы не глядит.
Для всех его молчанье – бремя!
Но руку не спешит отнять…
И ветку не торопит время
Плоды зелёные ронять.

* * *
Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.

И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

ХРАМ
Там, где ангелом воздух
уже поцелованный,
Озарённый весною, пречистый, притих,
За прозрачной железной
оградой церковной
Люди строят пять солнц
куполов золотых!

Чтоб она была добрей,
Покупали карамели,
Выручку поправить ей
Помогали, как умели.

И пока про молоко,
Хлеб и мясо говорили,
Те, кто жил недалеко,
На обед домой сходили.

Ждал молоденький шахтёр,
В город вздумал после смены,
И глаза устало тёр,
Словно угольные тени.

Две девчонки для него
Хохотали всё неловко!
Это только и всего,
Что их грело под ветровкой.

На раздумия влекло:
Осуждали и курили.
Те, кто жил недалеко,
Подоить коров сходили.

В сапожищах из кирзы
На дорогу вышел старец:
То ль погоде погрозил,
То ль ещё кому-то палец?

Ждал автобуса народ,
Как работой занят трудной,
До сих пор, наверно, ждёт…
Я уехал на попутной.

* * *
Мне весело живётся!
А почему бы нет?
Скажу – и улыбнётся
Мне женщина в ответ!

И стали кричать мы, казалось, легко:
Сплотимся! Даём обещанье!
Впервые на свете! Не зря полегло! –
Но крик стал похож на молчанье…

Тогда мы услышали ропот живой
Берёз, кедрачей и дубов.
Он был как единственный сторожевой
Родных пепелищ и гробов.

И стали роптать мы, и ропщем, но суть
За прошлым стоит косогором…
Откуда и как нам теперь почерпнуть,
Чтоб ропоту стать разговором?

Не там ли, где лес отдыхает в мороз,
И незачем лишнее слово,
Где столько страданья вокруг собралось,
Что речью быть нашей готово?

ЭЛЕКТРОСВАРЩИК
К чужому труду вдруг
почувствую зависть.
Вот электросварщик поджёг электрод –
Мне кажется: это непуганый аист
На кончике клюва комету несёт.

Под маской, наверное,
жарко несносно,
За шиворот капелька пота стекла…
Он, как наблюдатель
затмения солнца,
Следит сквозь копчёный
квадратик стекла.

В ладонях верхонок от глаз посторонних
Молекула солнца трепещет, жива!
Он словно земли
сердобольный садовник,
Склонился к малиновой веточке шва.

И уже заканчивались дойки
Каплею с коровьего соска.
Было время медленным и долгим
После первой кружки молока.

И на всякий случай двери в сени
Не были пока что заперты.
Аккуратно по стенам висели
Веников берёзовые запахи.

И когда неторопливым вечером
Под ногою скрипнуло крыльцо,
Из окна за мной следила женщина,
Спрятав за геранями лицо.

* * *
Космодрома каменный погост,
От всего живого отстранённый.
Образ колокольни не погас.
В отблеске ракеты воронёной.
Но никак, никак не различим,
Хоть глядим с надеждою невольной –
Застилает взор огонь и дым –
Что там, рядом с новой колокольней?..
И покуда Что-то не проглянет –
На слезе, на сердце, на золе! –
Будем мы, как инопланетяне,
Проходить по собственной земле.

НОЧНОЕ ОКНО
Подходит лес к окну вплотную,
И воздух набирает вес,
Как будто пресс, сжимая тьму
И околесицу ночную.
И в ней, не отыскав ни зги,
Окна стеклянная дыра
На верхней ноте комара
Мозги пытает на изгиб.
Лес, как испуганный мальчишка.
И филин ухает притом

Сергей ДОНБАЙ

Воля воздуха, влаги, земли и огня

Колокольня пока не взметнулася около,
Лишь трамвай невпопад
прозвонит на бегу,
Но видать, но видать,
словно ясного сокола,
Отовсюду наш Знаменский
храм на торгу!

И отныне в любом
уголке позаброшенном
Осеняется наша с тобой нищета –
Боже мой, Боже мой,
наравне, как положено,
Золотым троеперстьем большого креста!

ЖДАЛ АВТОБУСА НАРОД
Моросило целый день.
Грязь блестела за сараем.
И собакам было лень
Провожать прохожих лаем.

Ждал автобуса народ.
Каждый почитал за благо
Потоптаться в свой черёд
У печи в избе сельмага.

И, вполсилы разозлясь,
Продавщица нас гоняла:
Натаскаете, мол, грязь,
Мой полы за кем попало!

Забуду все печали –
От слов, как от вина,
Глазами и плечами
Хохочет вся она!

А там, совсем в начале,
У детского окна,
Меня с утра встречали
И тополь, и сосна.

И потому случалось,
Что в жизни мне везло:
И женщина смеялась!
И дерево росло!

* * *
Речь моя, речкой побудь.
Спутав законы акустики,
Бродит в ней детство по грудь,
Вытянув удочек прутики.

Речь моя, тихой побудь.
Лодка плыви колыбельная,
Чтобы уставшим уснуть
На быстрине сновидения.

Речь моя, ночью побудь –
Ночкой влюблённого вздора!
Лишь бы подольше подуть
На уголёк разговора.

Речь моя, птицей побудь.
Утро, а может, призвание
В дудку крылатую дуть
Сказочки и привирания.

Вспомнит и выдохнет грудь,
Что – и не знаю заранее…
Речь моя, песней побудь
На ветерочке дыхания.

РОПОТ
Родные леса отдыхают в мороз.
В них тихо, легко и свободно.
Дубравам, кедровникам,
рощам берёз
Молчание это угодно.

Мы долго молчали
и вместе, и врозь,
Отчаянно и всенародно.
И столько молчания
в нас набралось,
Что сделалось крику подобно.

Стекает скупая слезиночка стали –
Зубилом такую не срубишь потом!..
И серая кепка, как будто позвали,
Торчит, оглянувшись,
назад козырьком!

* * *
Закончен день. Его усталость
Теплела на лице лучом.
О вечном думать оставалось
Или не думать ни о чём.

А ты спешила в сад за сыном.
И это стало, Боже мой,
Твоим всегдашним дефицитом –
За ручку взять, вести домой.

А в сумерках сжималась нежность
Из-за желания любить.
Когда имеет
вечность внешность,
Она должна такою быть!

А ты стоял. Но не молитвой,
В себя глазами погружён.
Ты в очереди за пол-литрой
Стоял с нечаянным дружком.

А город, типовой и скучный,
Как головою, – кирпичом,
Железом, мусорною кучей –
Прилежно думал ни о чём.

ДЕРЕВЬЯ
Без листьев, без криков, без перьев,
Под взглядами нашими сквозь
Рентгеновский снимок деревьев –
Гнезда охладевшая горсть.

Безжизненны и недвижимы.
Уже отлетел листопад.
И кажется, с каждой вершины
И души вот-вот отлетят…

Деревьям не больно на свете.
Но тронув рукою лицо,
Как будто почую на срезе –
Ещё годовое кольцо…

* * *
Было время медленное вечером,
То, когда ещё совсем светло.
Тяжело в колодезе бревенчатом
Восходило мокрое ведро.

В нём сваебойным мо-ло-том,
И эхо скачет, как отдышка.

ВОЛЯ
Я родился, вздохнул, задохнулся и ожил:
Этот воздух, который впервые схватил,
Был густым от страданий
и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем отечества был.

И входили в свободном потоке стихии
Навсегда: возраст воздуха в тельце моё,
Молодая, морозная сила Сибири –
И снега, и таежные жабры её.

Мама помнит, на сносях
картошку копала…
Я не помню, когда у меня неприязнь
Появилась к той части людей,
что считала,
Что спесиво считала: земля – это грязь.

Приходилось и поле копать и могилу,
Череп в руки я брал,
отряхнув чернозём…
Верю в землю родную, как в чистую силу!
Жизнь не брезгает смертью –
смелее во всём!

Я тонул, но река меня не утопила…
И в награду за этот мальчишеский страх
Мне ловить пескарей,
без числа, разрешила
И всё лето качала на тёплых плотах.

Но и я выручал в свою очередь воду:
Если в чайнике снег разогреть на костре,
То как будто стихии даруешь свободу –
Волю вольную ласковой летней сестре!

Талый чай тяжело закипает, морозно.
И до самой травы снег
просел под костром.
Кружка с чаем дымится
в ладонях… и можно
Быть счастливым в тайге
с этим малым теплом! –

Оттого, что куржак, как живой, розовеет,
Оттого, что вот здесь, как когда-то меня,
Чью-то новую жизнь соберёт и согреет
Воля воздуха, влаги, земли и огня.

(Из книги «Четверть века»,1995-2020)

И песня сияет над нами

Любовь МЕДВЕДЕВА

* * *
Под вешним очищающим дождем
у неба мы пощады не просили.
Речь сберегая, терпеливо ждем,
когда о нас подумает Россия.

Мы – русские, нас не томит вина:
не мы страну на части разломили.
Тяжелая военная весна:
победу не добудешь без усилий.

Вновь, разделенный бедами, народ
сметает прочь лихих и бесноватых.
Мир русский в горсть победа соберет:
всем мудрости России щедрой хватит.

НАШЕ – РЯДОМ
Нас разбили на части. Рубец –
по полям, по лесам и по судьбам.
Кто считал, сколько жарких сердец
разорвется и биться не будет?

За границей – чужие, но здесь
мы веками врастали корнями.
Слова русского чувствую вес:
без него мы себя потеряем.

Но язык, словно душу, нельзя
растоптать или выжечь до пепла.
Нам бедой неминучей грозят,
но народная воля окрепла.

Но все чаще деревья гудят
и поют о России поэты.
Обнимает сияющий взгляд
даль родную – святилище света.

Веру крепкую в сердце несем,
речь великую, златоглавую.
Хорошо толковать обо всем
в эти праздники светлые, славные.

Наше – рядом.
Народов крепчает союз.
Одолеем фашистов соборно.
Я за слово родное отчаянно бьюсь
и не путаю белое с черным.

* * *
Разделенная нация. Но
слово русское – наше гражданство.
Нам послами быть суждено
русской речи среди иностранцев.

Принимая другие народы, страна
возрастает и полнится светом.
Слову русскому я неизбывно верна,
край степной воспеваю при этом.

На восход пролетает горячий скакун,
треплет гриву ковыльную ветер.
Вместе плавают беркут и гамаюн
и кричат в небесах на рассвете.

Реет знамя страны:
беркут и голубень,
рядом – ясное солнце отчизны.
Нам даровано время крутых перемен,
время острой и яростной жизни.

Наша общая песня все выше звенит,
разливается под небесами.
Раскаленное солнце восходит в зенит
и над степью родной зависает.

Далеко-далеко слышно клекот и крик.
Слово русское Казахстана
самобытный и щедрый дарует язык,
пахнет степью, травою духмяной.

ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ
Журнал открой, и вот они, друзья,
заводят споры под бумажный шорох.
Могу дышать! Но все-таки нельзя
за рюмкой прежние затеять разговоры.

Неутомимый холодок времен
подернул крепко стиснутые губы.
Пока нас смертный не окутал сон,
поговорим о жизни жарко-грубой.

Поплачем над убитыми детьми.
Рыданье в клочья
сердце разрывает…
Жалеть не надо.
За руку возьми:
неукротима доля роковая,
неумолима.
За родной народ
возносим горькие суровые моленья.
Нисходит Богоматерь Умиленья –
и благо единения несет.

Когда мы вместе, даже если плачем,
омыта терпеливая душа,
побьем врагов и мир переиначим,
победные знамена зашуршат.

Журнал открою – и душа поет:
мы далеко, но близко, как дыханье.
Пасхальных дней святое колыханье:
един, разъятый солнечный народ.

Едины мы: за верным словом следом
спешит сраженье с небывалой тьмой.
Орудий свист и грохот за спиной,
а впереди над ворогом победа.

ОТ ГОРЯ И РАДОСТИ
От горя до радости пляшет стезя,
поля рассекая овражные.
Иначе отведать отрады нельзя
и песни придумать протяжные.

Заноешь от боли – темно за спиной,
тропа впереди еле теплится.
Засмейся – и путь золотится земной,
и люди хорошие встретятся.

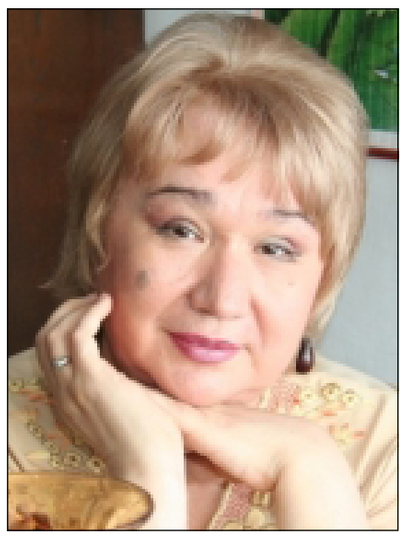
Речные преграды и горы встают,
ждут пропасти неодолимые.
Но добрые люди тепло отдают
и делятся днями счастливыми.

Смеются друзья, окружая меня,
мы вместе жизнь горькую празднуем.
Пускай не по крови они мне родня,
внутри, как положено, – разные.

Но, словом особое дело верша,
живем, как команда спасателей.
Поможем народу
свободней дышать,
насколько дыхания хватит нам.

Смеёмся, а нас выжигают огнем,
от пламени сделались рыжими.
Высокие сильные песни поем,
покуда под корень не выжжены.

Живем горячо от зимы до зимы,
спасаем соседей из пламени.
Для жаркой работы мы рождены
и трудимся в городе каменном.



Не лучший, не худший,
а просто родной,
окутанный облаком газовым.
Но сколько от боли и горя ни ной,
жизнь рядышком – разнообразная.

Идет тяжело, вперевалку Иртыш,
Ульба пробегает беспечная,
навстречу друг другу
рванутся, глядишь,
обнимутся – и станет легче мне.

Слияние душ и слияние рек…
Нас беды терзают постылые:
слабеет порою в пути человек,
но близкие делятся силою.

Но люди и звери, и птичий народ –
сияющих ангелов братия –
гуртом одолеют раздор и разброд,
друг другу откроют объятия.

От горя до радости с песней, смеясь,
не просто, но надо пробиться.
безумное время не скроет от нас
прошитые светом страницы.

Над городом солнце
неспешно встает –
победное, алое знамя.
Мы вместе выходим из тесных тенет,
и песня сияет над нами.

ЗЕМНОЙ ШАР И ИЗБА
Ходжа Насреддин сказал:
– У русского – Родина-мать – Изба…
У иудея –
Родина-мать –
Земной шар…

И вот Земной шар стучится…
бьётся в Избу…
– Кто там?..
– Я… странник…
Мне бы воды напиться…
– Входи… Как имя твоё?..
– Иешуа…

ПАСТУХИ И БАРАНЫ
Ходжа Насреддин сказал:
– Дурные политики-лицедеи вопиют:
«Народ труслив…
слеп… глух… глуп…
И выбирает кровавых вождей…
слепцов на свою смерть…»…
О, Боже!..

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

Телефон, который никогда не занят…

Вот пастухи напились вина…
Зарезали барана…
Съели его и уснули…

Пришли волки…
Растерзали стадо…
И погнали его в пропасть…

Потом пастухи проснулись
и завыли, как волки:
– Бараны канули в пропасть!..
Доверились волкам!..
Слепцы!.. глупцы!..

Айяяя!..
Шайтан на их бараньи головы!..

Так пастухи мудро перекладывают
Свою вину на безвинных баранов…
И на кровожадных волков-олигархов…

О, Всевышний Пастырь!..
О, Всевышний Пастух!..
И зачем Ты пасёшь таких пастухов?..

ЗАГАДКА
На седом… древнемудром осле едут
Ходжа Насреддин
и дервиш Ходжа Зульфикар…
Один из них – ликом ко хвосту осла…
Другой – лицом к голове осла…
Так и едут…

Один – в Вечности…
Другой – в Тленности…
В Современности…

Так кто из них – ликом ко хвосту?..
А кто – лицом к голове?..

ПРОРОК
У Ходжи Насреддина спросили:
– Пророк XXI века Золотого Тельца…
Кто Он?..

Ответил:
– Пророк – это человек, который чует
Даже слёзы пролетающих птиц…
А тут – страждущие народы…
А тут – океаны народного горя…
Слёзы народов…
Воистину…

И, утопая в этих неоглядных океанах,
Пророк вопиет…
Одиноко восходит к Богу…
Хозяину всех океанов…

Но кто слышит Его?..
Брат!.. Ты?..

ПЛАЧ ЯЗЫЧНИКА
О, Боги!..
Два великих Пророка,
Рождённые в пустынях далёких,
Победно брели и бредут
по заснеженной
Руси Всепокорной…
И по солнцелющейся…
несметно чадочадящей Азии…

О, Боги!
А где же наши первородные Учителя…
Провидцы… Ведуны…
Кудесники… Пестуны…
А?..

Аль есть хозяева,
которые более любят
дальнозорких кипучих гостей,
Чем исконных родных
смиренных отцов и матерей…
Ей!.. Ей…
О, Боги!…

И…
И досель всё идут на меня рыцари
в железных доспехах-латах
С крестами – мечами пылающими,
Но с Кротким Евангелием…

О, Боги!..
Где ж Правда?..

И скачут на меня конники…
С огненноострыми копьями…
И с Грозным Кораном…
Да…

А я в избе разбитой… растоптанной
Всё тоскую…
печалюсь седым сиротою
По родным языческим праотцам…
праматерям…
По весёлым отчим богам,
Как по бездонно хрустальным
Необъятно забытым…
бездумно заброшенным
Животворным колодезям
С молодильной…
колосистой… медовой водою…

О, Боги!..

ТЕЛЕФОН, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЗАНЯТ…
– Милые друзья! Братья и сёстры!..
Вспомним среди грохота 21 века
и пред ящиком-урной компьютера,
Который порождает
Великое одиночество,
Что Человек –
это Двуногая Вселенная…

Вначале Творец создал Вселенную…
Она была прекрасна, но нема…
И тогда Творец создал Человека –
эту Говорящую Вселенную,
Чтобы беседовать с ней…
А Человек вместо Живого Бога
беседует с мёртвым интернетом…
Да…

Если перед современным человеком
положить Библию…
Сутту Непатту…
Священный Коран и телефон,
Он, не задумываясь,
выбирает телефон…

И вот мы всю жизнь
ждём какого-то звонка…
А его всё нет!..
Мы вечно звоним
по вечно занятым телефонам…

А есть Телефон,
который никогда не занят…
Который вечно ждёт нас…
Который звонит нам с Небес…
А мы, в суете сует, не слышим…

СТАРАЯ ЧЕРЕШНЯ
Июль в горах…
Жара… Тяжко… Душно… Тленно…
Но старая черешня роняет на меня
Лист первый…
позолотевший… похладевший
И шепчет:
– Потерпи, дружок,
Уже до осени прохладной…
просторно ветреной
Уже недалеко…
Уже близко
Златоблаженство…

ДИКИЕ ЯБЛОНИ
Август мечет звездопады…
Рассыпчатые алмазы…
А дикие яблони
С вершины высокой Золотой горы
Мечут перезрелые
сладчайшие пьяные яблоки
На пасущихся коз…
ослов… коров…
баранов… лошадей…
И на пастухов…
Ойхxx…

Но никто не благодарит
Этих бескорыстных…
бессребрениц…
кормилиц яблонь.
Кроме вездесущих…
безмолвных…
вечноголодных…
Всепоедающих муравьёв,
Которые съедят и коров…
и коз… и баранов…
и лошадей…
И ослов… и пастухов –
В назначенный срок…
Да…

Ведь все мы на Земле –
Лишь гости червей да муравьёв…
Да жаль летящих золотых плодов…

ДЕРВИШ И ЗМЕЯ ГЮРЗА
Ночь…
Я выхожу из своей кибитки-ковчежца
на Золотой горе
И ложусь в ночные духмяные
успокоительные
Упоительные травы…
травы… травы…
Ночью травы гуще…
слаще источают дурманы…
ароматы…
Айхxxа…

Душа на звёзды что ль ушла,
Где родилась…
И куда бредёт она…
Иии…

И шелестит в травах…
приходит змея гюрза…
И обвивает мою ногу…
замирает…
Аааа…

Мы одиноки…
Я страшусь, что она уйдёт…
А она страшится, что я изгоню её…
Ойхxxо…
Так мы и лежим,
не шелохнувшись…
В травах медовых…
Пчёлы мы что ли, что любят мёды…

Так и лежим…
Два одиноких…
А окрест нема и алмазно бездонна
Плывёт Вселенная…
Такая же Одинокая…

Но…
Но Кто-то глядит…
То ли с ближней горы…
То ли с дальной звезды…
Ойёооо…

Но глядит Кто-то…
Чьё-то Вселенское Око…
И нет на земле одиноких…
Все под Богом…